

ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА В ЗАГАДКАХ

У статті розглядається загадка, що представляє собою один із способів формування лінгвістичної картини світу і в той же самий час — один зі шляхів його відображення і пізнання. Головним висновком є той факт, що спроби “освіжити” і знову “пережити” загадки за допомогою досягнення їх “грайливих” перетворень свідчать про наявність руйнівних процесів, які відбуваються у мовній свідомості наших сучасників.

Ключові слова: мовна картина світу, загадка, мовна свідомість, культура, комунікація, менталітет, етнос.

Our research is based on the idea that a riddle presents one of the ways to form the linguistic picture of the world and at the same time it is a way of the world's reflection and cognition. The main conclusion is that the attempts to refresh riddles by means of creating their “playful” transforms give evidence of the destructive processes, occurring in a language consciousness of our contemporaries.

Key words: a language picture of the world, a riddle, language consciousness, language, culture, communications, mentality, ethnos.

Язык и культура являются основополагающими категориями лингвокультурологии — одного из ведущих направлений лингвистических исследований. В центр исследования ставится человек и его отношение к языку. Эта дисциплина связана с философией, национальным характером и менталитетом. Она представляет собой некую совокупность знаний о национально-культурной специфике и организации содержания речевого общения. Таким образом, в концепции “язык и культура” сходятся интересы всех наук о человеке, это та сквозная идея, которая разрушает границы между дисциплинами, изучающими человека, поскольку нельзя изучать человека вне его языка. Язык представляет собой главную форму выражения и существования национальной культуры. Эдвард Сепир писал: “Культуру можно определить как то, что данное общество делает и думает. Язык же есть то, как думают” [1:193]. Язык, таким образом, выступает как

реализованная внутренняя форма выражения культуры, как средство аккумуляции знаний культуры.

Акцентирование человеческого фактора привело к появлению в науке о языке понятия, представляющего языковую модель объективного мира — языковой картины мира. Понимание языковой картины мира носителей иностранного языка имеет очень важное значение в связи с возросшей необходимостью изучения межкультурной коммуникации в целях понимания культурных различий народов, их мировоззрения, менталитета.

Языковая картина мира становится в последние годы одной из наиболее “модных” тем языкознания. Картина мира любого языка рассматривается в контексте мифологии, фольклора, культуры народа. Иногда картина мира понимается как непосредственное отражение психологии народа (труды Ф. Боаса, Э. Сепира, Б. Уорфа, Х. Хойера, исследования Н. И. Толстого, С. М. Толстой, работы С. Е. Никитиной, Т. В. Цивьян, И. Бартминского, Н. Д. Арутюновой).

В выражении “картина мира” исследователя М. Хайдеггера мир выступает “как обозначение сущего в целом” [2:70]. Причем это имя “не ограничено космосом, природой. К понятию мир относится и история, и даже природа. Под термином “картина мира” подразумевается и основа мира независимо от того, как мыслится ее отношение к миру” [2:89].

Картина мира — это не просто изображение мира, не нечто срисованное: “картина мира, существенно понятая, означает таким образом не картину, изображающую мир, а мир, понятый в смысле такой картины” [3]. М. Хайдеггер отмечает: “где мир становится картиной, там к сущему в целом приступают как к тому, на что человек нацелен и что он поэтому соответственно хочет преподнести себе, иметь перед собой и тем самым в решительном смысле представить перед собой” [2:98], причем представить его во всем, что ему присуще и его составляет как систему.

Э. Сепир и Б. Л. Уорф, продолжившие учение В. фон Гумбольдта в США, выдвинули гипотезу языковой относительности, согласно которой языку отводится приоритетная роль в процессе познания. Для сторонников этой гипотезы реальный мир существует постольку, поскольку он отражается в языке. Согласно гипотезе языковой относительности, наличие различных категорий в разных языках свидетельствует о том, что носители этих языков по-разному концептуализируют окружающий мир.

Картина мира представляет собой частный, исторически обусловленный способ того универсального явления, которое можно назвать моделированием мира в семиотическом понимании этого слова. Картина мира — это его модель, но не любая модель мира является картиной. Типология моделей мира отсутствует, поэтому и происходят различные *qui pro quo*, когда одним и тем же термином обозначаются типы моделей не только не схожие, но и принципиально различающиеся между собой.

Картина мира таит в себе центральное понятие концепции человека, выражает специфику его существования. Понятие картины мира относится к числу фундаментальных понятий, выражающих специфику человеческого бытия, взаимоотношения его с миром, важнейшие условия его существования в мире. Картина мира есть целостный образ мира, который является результатом всей активности человека. Она возникает у человека в ходе всех его контактов и взаимодействий с внешним миром. Это могут быть и бытовые контакты с миром, и предметно-практическая активность человека. Способность языка отражать, фиксировать и передавать накопленный опыт из поколения в поколение выражается в его кумулятивной функции.

Язык непосредственно участвует в двух процессах, связанных с картиной мира. Во-первых, в его недрах формируется языковая картина мира, один из наиболее глубинных слоёв картины мира у человека. Во-вторых, сам язык выражает и эксплицирует другие картины мира человека, которые через посредство специальной лексики входят в язык, привносят в него черты человека, его культуры. При помощи языка опытное знание, полученное отдельными индивидами, превращается в коллективное достояние, коллективный опыт.

Целью данной работы является выявление специфики различных аспектов языковой картины мира, отраженных в загадках. В ходе исследования нам предстоит разрешить следующие задачи: 1) определить лингвистическую специфику загадок; 2) проанализировать фольклорную модель мира; 3) сопоставить классический и современный фонд загадок; 4) выявить лингвистические сходства и различия между разными языковыми картинами мира в загадках.

Выбор загадки в качестве объекта исследования обусловлен актуальностью лингвокультурного подхода в современной лингвистике. Загадка представляет собой один из немногих продуктивных жанров фольклора, в котором находит отражение национально-культурная

специфика определенной лингвокультурной среды. На уровне текста загадки закреплены нормы поведения, традиционно-мировоззренческие и социально-психологические установки и этнические представления. Современные загадки представляют собой многоплановое явление, которое может выступить и выступает предметом литературоведческого (эстетического), культурологического, семиотического, социологического, психологического и историко-политического анализа. Новизна данной работы заключается в рассмотрении феномена загадки в контексте как всего накопленного человечеством объёма знаний об объектах или явлениях, так и в контексте национального опыта познания и освоения мира.

Каждый естественный язык отражает определенный способ восприятия и организации (концептуализации) мира. Выражаемые в нем значения складываются в некую единую систему взглядов, своего рода коллективную философию, которая навязывается в качестве обязательной всем носителям языка. Свойственный данному языку способ концептуализации действительности отчасти универсален, отчасти национально специфичен, так что носители разных языков могут видеть мир немного по-разному, через призму своих языков.

Одним из распространенных приемов реконструкции языковой картины мира является анализ метафорической сочетаемости слов абстрактной семантики, выявляющий “чувственно воспринимаемый”, “конкретный” образ, сопоставляемый в наивной картине мира данному “абстрактному” понятию и обеспечивающий допустимость в языке определенного класса словосочетаний (будем условно называть их “метафорическими”).

Примером чего служит текст загадки:

This little traveller

Is very strong.

He takes a drink of water

And runs a thousand miles.

Before he starts, he takes off his hat.

When he rests, he puts it on (A fountain pen) [4:5-6].

Так, словосочетание *little traveller* является конкретным одушевленным образом, обладающим конкретными свойствами (*very strong, takes a drink of water, runs a thousand miles, takes off his hat*) и сопоставляющееся с ранее закодированным понятием-отгадкой (*a fountain pen*), что и обеспечивает метафоричность данного текста.

Каждое абстрактное имя вызывает к жизни представление не об одном конкретном предмете, а о целом ряде различных предметов, обладая одновременно свойствами, репрезентируемыми каждым из них. Иначе говоря, анализ сочетаемости слова абстрактной семантики позволяет выявить целый ряд различных и несводимых воедино образов, сопоставленных ему в обыденном сознании. Например:

Little Nance Etticote

In a red petticoat

With a red nose;

The longer she stands,

The shorter she grows (A candle) [4:11].

В данной загадке словосочетание *Little Nance Etticote* приобретает метафорическое видение предмета, так как отдельно одушевленное существительное в контексте становится неодушевленным предметом. Внешнее описание одежды человека (*In a red petticoat*) вдруг становится закодированной информацией описания внешнего вида предмета (*a candle*). Основная логическая характеристика, подталкивающая к опредмечиванию загадываемого, это свойства свечи — становиться меньше (*The shorter she grows*) от огня (*a red nose*). Причем понятие огня закодировано и представлено внешней характеристикой предмета.

При этом попытка составить из разных метафорических словосочетаний единый образ подобна истории из известной индийской сказки, где несколько слепых, пытаясь составить представление о слоне, ощупывали каждый какую-то одну его часть (ноги, хобот и т. д.) и сравнивали ее с известными им предметами (колоннами, веревкой и т. д.). Сам слон — невидимый для слепых, как для нас невидима, например, совесть, — состоит из присущих ему частей тела, которые вполне складно друг к другу присоединены; нескладным окажется существо, составленное из тех предметов, в виде которых представились слепым разные части его тела [5].

Принципиальным отличием загадки от других лексических средств вербализации концепта является то обстоятельство, что они появились на свет в результате процесса вторичной концептуализации реальной действительности. Самые древние загадки не были отдыхом, игрой, забавой, развлечением, простым балагурством, шуткой или насмешкой. Как показали культурологические разыскания В. Н. Топорова, В. В. Иванова, Т. Я. Елизаренковой (в свою очередь связанные с идеями А. Н. Веселовского, О. М. Фрейденберг),

древнейшие загадки составляли словесную партитуру особой магии и ритуала [6:35]. Обращаясь к разным авторитетным источникам, можно найти различные определения загадки. Вот два из них: “Загадка — метафорическое выражение, в котором один предмет изображается через посредство другого, имеющего с ним какое-нибудь, хотя бы отдаленное, сходство: на основании последнего вопрошаемый и должен отгадать задуманный предмет” [7:234]; “Загадка — это поэтическое замысловатое описание какого-либо предмета или явления, сделанное с целью испытать сообразительность человека, равно как и с целью привить ему поэтический взгляд на действительность” [8:56]. Как видим, второе определение отвечает пониманию загадки как способа мировидения и мироосмысления, ибо формирование поэтического взгляда на действительность — это как раз и есть один из путей освоения мира.

В свете представлений о творческой, поэтической природе малых форм фольклора и загадки, в частности, важным представляется следующее суждение В. П. Аникина: “Между прямым, адекватным отражением реальных явлений и поэтическим обобщением существует некоторое пространство, как бы пустота, и конкретные жизненные факты переходят на ступень широкого обобщения, минуя стадию отражения реальности в формах правдоподобия. Это и есть то, что мы называем сублимирующей работой художественного сознания” [9:39]. В унисон с таким взглядом на загадку звучит определение из поэтического словаря: “Загадка — замысловатое поэтическое выражение, в котором признаки отгадываемого предмета даны в зашифрованном, уводящем в сторону виде. Загадка является своеобразной формой отстранения и строится обычно на принципе замедленной метафоры (вернее — симфоры), каламбурного алогизма и затрудненного параллелизма. Это любимый жанр народной поэзии всех стран” [10:110]. Как особые жанры русского народного творчества загадки являются предметом изучения не только фольклористики, но и лингвистической науки.

На современном этапе развития языкознания лингвистические исследования осуществляются на стыке различных научных дисциплин. К ним относятся социолингвистика, изучающая язык в аспекте его взаимосвязи с социумом; этнолингвистика, задающая вектор исследования в соотношении язык — этнос; психолингвистика (язык — психическая деятельность личности), прикладная лингвистика (язык — речевая практика). Междисциплинарный подход дает

возможность более четко определить те аспекты, в которых следует рассматривать языковые феномены, относящиеся к области культурно-национального. К таким феноменам относится загадка. К исследованию этого жанра фольклора в наибольшей степени обращена этнолингвистика, в основу которой положена триада “язык — культура — личность”. Язык этноса является тем универсальным средством, которое позволяет конструировать культурно-национальные концепты и организовывать их в целостную картину мира. В этой целостной картине мира занимает свое место специфическая для данного этноса языковая картина мира в загадках. Для нее приоритетную роль играет человеческий фактор. В. Н. Телия определяет его как “соизмеримость универсума с понятными для человеческого восприятия образами и символами, в том числе и теми, которые получают статус ценностно определенных стереотипов” [11:177]. Интерес к традиционной загадке усиливает именно то обстоятельство, что конкретные жизненные реалии в загадке приобретают поэтическую форму, минуя стадию отражения реальности в формах правдоподобия. В рамках когнитивной лингвистики понимание загадки представляется следующим. Загадки — это такие языковые единицы, которые выступают в качестве единиц вербализации концептов, сформировавшихся в сознании представителей целой этнокультурной общности и поэтому отражающих национальное своеобразие концептуализации мира.

Рассмотрение загадки в качестве способа освоения мира вписывается в проблематику современных когнитивных исследований, затрагивающих изучение механизмов переработки всего объема отражаемой языковым сознанием информации об окружающем мире. Когнитивная специфика загадок кроется в оригинальности и нестандартности ассоциативных механизмов, лежащих в основе созданных загадками образов. Кроме того, имея дело с загадкой, мы сталкиваемся с таким уникальным средством вербализации национальной концептосферы, которое позволяет вербализовать концепт имплицитно.

Обращаясь к отечественной лингвистической традиции изучения природы и предназначения загадки, нельзя не вспомнить М. А. Рыбникову. Исследователь и ее последователи относили загадку к элементарному поэтическому жанру, “в котором словесный образ живет особенно четко и самостоятельно”. Подчеркивая огромную роль загадки в освоении и познании мира, Рыбникова пи-

шет: “Вообще загадка ставит вопросы: откуда что происходит, что как делается, что чему служит, что зачем нужно в хозяйстве, и отвечает, играя словами”:

I am up, and I am down.

Up and down!

Up and down!

I am made of string and wood.

Would you like me?

Yes, you would!

So, you see, I am not shy,

Now, please, tell me,

What am I? (A swing) [4:17].

И далее: “...Процесс отгадывания есть целенаправленная игра ума, которая дает эмоциональную реакцию (смех, удовольствие, удовлетворение) и в результате которой бессмыслица исчезает, а предмет раскрывается в его сущности” [12:155].

С течением времени загадки видоизменяются и наполняются новыми смысловыми оттенками, которые в свою очередь определяются реалиями современной им эпохи и “живым” употреблением. Одним из новообразований последних двух десятилетий стали трансформированные загадки, распространяющиеся в основном через Интернет и развлекательные журналы.

В исследовании В. Г. Сибирцевой [13:82–85] затронута проблема понимания загадки как способа освоения мира и достаточно подробно рассматриваются загадки-трансформы. В рамках исследования в результате поиска и систематизации материала автором выделены основные способы организации текста современных детских и “взрослых” загадок. В отображении языковой картины детских загадок основную роль она отводит традиционным (метафорическим, метонимическим и описательным) загадкам, позволяющим овладеть логикой познания мира, тогда как во “взрослых” загадках, по мнению Сибирцевой, преобладают загадки-вопросы. Их отличие от традиционных загадок состоит в том, что они не предполагают определенный конкретный ответ, а лишь моделируют игровое языковое пространство. Если “классические” (детские) загадки ориентированы на формирование нормативного взгляда на мир, то “взрослые” направлены на ломку стереотипов и норм восприятия мира. Как видим, в настоящее время только детская загадка выполняет миссию способа освоения мира.

Трансформация фольклорного восприятия мира, отразившаяся в языке загадок, и усиление личностного начала в современных загадках — процессы закономерные, но, с другой стороны, именно потому так бережно все народы относятся к фольклору, что он является душой любой культуры. Исследования А. Т. Хроленко показывают, что практически любой фрагмент картины мира в фольклоре ценностно окрашен: в любом жанре могут встретиться эстетические, этические, утилитарные и прочие виды оценок [14:3–12]. Фольклорная модель мира является четко структурированной и внутренне организованной системой и представляет собой своеобразную семантическую сеть, узлами которой являются опорные полнозначные слова со всей их семантической информацией: существительные (и субстантивные слова) задают статическую модель мира определенного текста, глаголы характеризуют обобщенные отношения между “частями” этого мира, а прилагательные могут выступать в виде постоянных эпитетов.

Фольклорное слово не только обозначает понятие (или реалию), но и выражает к нему свое отношение. Особый оценочный компонент в семантической структуре фольклорного слова может преобладать над номинативным и даже приводить к его нейтрализации. Но при этом в произведениях фольклора мы видим свободное отношение к альтернативным, нередко взаимоисключающим трактовкам и концепциям, диаметрально противоположные оценки.

Ломка стереотипов и норм восприятия мира в направлении смены положительного знака на отрицательный таит в себе угрозу разрушения как языка, так и нации в целом. Нельзя забывать о том, что в христианском мироощущении на протяжении многовековой истории приоритетное место бесценно занимали духовно-нравственные идеалы. Их превосходство над интересами материального и социально-экономического характера всегда считалось ценностной интенцией культуры. Язык является основополагающей составляющей культуры.

В результате проведенных исследований, мы пришли к таким выводам: признавая тот факт, что “неприличные” и “переосмысленные” загадки являются адекватным отражением современной языковой картины мира, следует констатировать: они ничего не дают в плане понимания ментальности и языкового сознания народа. Только опираясь на классический фонд загадок, можно делать выводы о национальной языковой картине мира, так как только память народа представляет собой копилку идей и потенциальных возможностей

дальнейшей самореализации жанра. Сами приемы и механизмы создания традиционных загадок отражают специфику данного жанра, особенности языкового сознания народа, а вместе с ними способы освоения мира лингвокультурным сообществом. Есть вечные ценности и реалии, а есть те, которые имеют преходящий характер, являясь бренными. Мы полагаем, что традиционные загадки — это вечное, а современные их трансформы — брренное.

Картины мира, рисуемые разными языками, в чем-то между собой похожи, в чем-то различны. Различия между языковыми картинами обнаруживают себя, в первую очередь, в лингвоспецифичных словах, не переводимых на другие языки и заключающих в себе специфические для данного языка концепты. Исследование лингвоспецифичных слов в их взаимосвязи и в межкультурной перспективе позволяет уже сегодня говорить о дополнении некоторых фрагментов языковой картины мира и конституирующих их идей.

Языковая картина мира в загадках, отражающая наивные представления человека об окружающей действительности, является основой для формирования современных типов загадки. Таким образом, специфика загадок, принадлежащих к разным периодам существования жанра и различным социальным типам, обусловлена способами языковой организации материала и функциональной направленностью загадок.

ССЫЛКИ И ПРИМЕЧАНИЯМ

1. Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологи / Э. Сепир. — М., 1993.
2. Heidegger M. Holzwege / M. Heidegger. — Frankfurt a. M., 1950. — S. 69–104.
3. <http://www.philosophy.ru/library/heideg/time-pict-world.html>
4. 300 загадок на английском языке для школьников / Сост. Т. А. Соловьёва. — М., 1963.
5. http://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/YAZIKOVAYA_KARTINA_MIRA.html
6. Мечковская Н. Б. Язык и религия: Лекции по филологии и истории религий / Н. Б. Мечковская. — М., 1998.
7. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь: Философия и литература. Мифология и религия. Язык и культура / А. Ф. Брокгауз, И. А. Ефрон. — М.: Эксмо, 2003.
8. Аникин В. П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор / В. П. Аникин. — М., 1957.
9. Аникин В. П. Теория фольклора: Курс лекций / В. П. Аникин. — 2-е изд., доп. — М., 2004.
10. Квятковский А. Поэтический словарь / А. Квятковский. — М., 1966.

11. Телия В. Н. Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира / В. Н. Телия // Роль человеческого фактора в языке. Язык и картина мира. — М., 1988.
12. Рыбникова М. А. Введение в стилистику / М. А. Рыбникова. — М., 1937.
13. Сибирцева В. Г. Образная система русской загадки и языковые средства ее выражения / В. Г. Сибирцева // Науч. тр. Второй Между-нар. науч.-практ. конф. “Гуманизм и духовность в образовании”. — Н. Новгород, 2001.
14. Хроленко А. Т. Ассоциативные ряды в народной лирике / А. Т. Хроленко // Русский фольклор. Т. XXI. Поэтика русского фольклора. — Л., 1981.